

Проблемы публичного права

Научная статья

УДК 334.73

doi: 10.17223/22253513/43/1

Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России

Владимир Александрович Азаров^{1,2}

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, kafprokrim@mail.ru*

² *Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия*

Аннотация. Выявлена и обоснована корреляция справедливости и равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России. Изучена историография присутствия положения о равенстве в уголовном судопроизводстве, аргументированы предложения о воссоздании этого предписания в системе принципов уголовного процесса и резком уменьшении перечня представителей государства в списке лиц, наделенных дополнительными привилегиями при производстве по уголовным делам.

Ключевые слова: справедливость, равенство перед законом и судом, привилегии, иммунитеты, принципы уголовного процесса

Для цитирования: Азаров В.А. Справедливость как первооснова равенства всех перед законом и судом в уголовном процессе России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 43. С. 5–20. doi: 10.17223/22253513/43/1

Problems of the public law

Original article

doi: 10.17223/22253513/43/1

Justice as the primary basis of equality of all before the law and court in the criminal procedure of Russia

Vladimir A. Azarov^{1,2}

¹ *National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, kafprokrim@mail.ru*

² *Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russian Federation*

Abstract. The article presents the results of the historiographic studies of the principle of equality of all before the law and court in the criminal procedural legislation of Russia. Considering the importance of the above principle for the

formation of the authority of the judiciary, the author substantiates its fundamental role in the assessment by the population of the country of the presence and reflection in the law of justice as the core category of the genotype of the Russian nation.

The positions of opponents of the legislative decision about the reflection of the category of «objective truth» in the text of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are analyzed, the inconsistency and even the perniciousness of introducing the artificial concept of «legal justice» into the theory and practice are shown. The comparative characteristics of the textual expression of the principle of equality of all before the law and court in various legislative acts of the Russian Federation are given. On this basis, the preferred wording of this principle in the Criminal Procedure Code has been formulated.

The segments of the content of the concept of justice in criminal proceedings are interpreted. From the standpoint of social justice, the redundancy of the presence in Chapter 52 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation of a large detachment of representatives of all branches of state power of Russia, endowed with additional privileges in criminal proceedings, is shown and commented on.

The directions of changing the procedure for criminal proceedings against state and municipal employees, as well as the limits of their inviolability in the sphere of activity of criminal justice bodies, have been identified and substantiated. The evidence for the expediency of the direct participation of federal judges of courts of general jurisdiction in resolving the issues of restriction, suspension and deprivation of immunity of state and municipal employees for their criminal prosecution is given.

The history and causes are studied, the initiators and conditions for the creation of the above section of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are revealed, an assessment of its compliance with the typology and traditional ideology of the national criminal procedure is given.

The most suitable options for legislative solutions that allow minimizing reputational losses for all branches of state power in cases of bringing their representatives to criminal liability are discussed and selected.

A scheme of legislative work to optimize the content of the above section of the Criminal Procedure Code and to strengthen the principle of equality of all before the law and court and justice in the sphere of activity of criminal justice bodies is proposed and substantiated

Keywords: justice, equality before the law and the court, privileges, immunities, principles of criminal procedure

For citation: Azarov, V.A. (2022) Justice as the primary basis of equality of all before the law and court in the criminal procedure of Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 43. pp. 5–20. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/43/1

Справедливость выше любых теоретических установок.

Профессор Л.В. Головкин

Радикальные изменения государственного, политического, экономического уклада нашей страны породили тектонические сдвиги в сфере социальной жизни российского общества. Три десятилетия в России происходят экономические, социальные и другие «эксперименты», осуществляют-ся пока не слишком результативные попытки отыскания государственной и общественной модели, способной гармонизировать интересы разных со-

циальных групп, слоев населения с общими, а носителем и защитником последних всегда является государство.

Пока что власть, с моей точки зрения, не добила ощущимых достижений в отыскании (а точнее – конструировании) баланса вышеперечисленных интересов как в социальной, так и в экономической, политической и иных сферах нашей внутригосударственной жизни. Так называемые реформы 1990-х гг. (провозглашенные и реализованные «новой» властью) разрушили экономические основы государства, породили массовый нигилизм граждан, одновременно послужив *главной причиной отторжения населения от государственной власти.*

Эти тенденции не ослабевают и последние двадцать лет. Напротив, отдельные экономические и политические действия и решения власти (скромно называющей их «непопулярными») увеличивают дистанцию между государственными властными структурами и населением страны. Это закономерно вызывает чувства раздражения, обиды, неудовлетворенности и несправедливости у широких слоев населения.

В связи с этим нельзя не согласиться с оценками председателя Конституционного Суда России В.Д. Зорькина, считающего, что вопрос о «социальной справедливости стоит в ряду главных принципов правовой (а я бы еще добавил – не только правовой, но и структурной. – В.А.) трансформации российского общества» [1]. Спустя 9 лет, развивая вышеприведенную мысль, В.Д. Зорькин заявляет: «Страна до сих пор испытывает такие неизбежные последствия произошедшего в 1990-е годы взрывного первоначального накопления капитала (если быть более точным, то криминального «растаскивания» государственного имущества, в том числе, с помощью мошеннических «залоговых аукционов». – В.А.), как правовой нигилизм, клановая и корпоративно-олигархическая ментальность, *превращение бюрократии в своего рода квазикласс* (выделено нами. – В.А.), зачастую действующий в своих собственных интересах, неразвитость гражданского общества и прочного среднего класса, коррупция и организованная преступность, нестабильность законодательства, отсутствие твердых гарантий собственности и т.п.» [2. С. 8].

Вместе с тем общественное сознание российского общества столетиями формировалось в условиях патерналистского отношения государственной власти и населения. Обрушение экономических и государственных устоев с одновременным насаждением рыночных отношений *во всех сферах жизни* поставило на грань выживания десятки миллионов жителей страны. Именно поэтому сегодня главным «чаянием» абсолютного большинства граждан России является *запрос на справедливость.*

Обостренное чувство справедливости исторически присуще именно российскому психотипу нации. Это не просто часть общественного сознания, а *его системообразующий компонент*, генетически свойственный любому представителю нашего социума, вне зависимости от пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, убеждений и т.д. [3. С. 55].

В этой связи представляются абсолютно правильными суждения Ал.А. Барабаша, в соответствии с которыми правовая (а я бы еще добавил – социальная и политическая) система государства, чтобы быть эффективной и устойчивой, должна жестко ориентироваться на лежащий в основе всех областей социальной жизни этнотип нации. При этом следует иметь в виду, что особый, евразийский тип менталитета населения России качественно отличается от своего западного аналога в силу воздействия на его формирование таких факторов, как географический, религиозный, отношения государства и личности, роль права в обществе [4. С. 52–53].

Здесь уместно вспомнить оценки русских философов, к творческому наследию которых, как можно увидеть, и сегодня обращаются высшие государственные лица России. В частности, Вл. Соловьев называл жажду безусловной справедливости стержневой линией духовных чаяний, устремлений русского человека [5. С. 68]. Н. Бердяев ассоциировал справедливость с понятием правды, определяя ее как великую ценность [6. С. 84]. Становятся очевидными, в связи с этим, мотивы отдельных политических групп и объединений современной России и их лидеров, включающих в наименование своих партий столь близкие и родные россиянам понятия, как «правда» и «справедливость».

Вполне объяснимы, с этих позиций, и попытки «отдельных представителей юридического сообщества», отстаивающих приоритет состязательной (читай – англосаксонской) модели уголовного правосудия, изобрести некие суррогаты понятию «справедливость», исторически центральному в российской ментальности.

Предлагается, в частности, считать, что цель совершенствования УПК РФ – «утверждать справедливость в обществе. Не социальную. Юридическую» [7. С. 156]. И эта, с «легкой руки» изобретенная «эрзац-цель» («юридическая справедливость») подается в ранге средства, якобы способствующего «повышению авторитета правосудия, независимости судебной власти», что, по мнению автора, «благотворно скажется на общественных нравах, а через их смягчение воздействует, в том числе, и на уровень преступности» [7. С. 156].

Очевидна **настоящая** цель таких «теоретических размышлений», состоящая в подмене понятий и ретушировании, размывании **действительного, адекватного понимания как справедливости, так и социальной справедливости в российском обществе**. Удивительно, что эта, казалось бы, понятная и однозначная категория в уголовном процессе России и западных стран понимается по-разному, что очень содержательно комментирует А.В. Кудрявцева. В частности, Европейский суд по правам человека интерпретирует справедливость как осуществление судебного процесса в рамках равных прав и возможностей сторон по представлению доказательств и отстаиванию собственной позиции, возможность оспорить доказательства другой стороны. Частным случаем справедливости судебного

разбирательства считается возможность оспаривания стороной защиты доказательств, представленных стороной обвинения. Иными словами, справедливость судебного разбирательства в смысле ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод представляет собой не что иное, как содержание принципа состязательности сторон [8. С. 61].

В России же, применительно к уголовному судопроизводству, справедливость всегда трактовалась как «воздаяние» за преступление, а у Ф.М. Достоевского – даже как «кара Божья», но, добавим, конечно же, при соразмерности назначенного наказания содеянному виновным.

И все же, как видно из наименования настоящей статьи, у справедливости в уголовном процессе есть и еще одна весьма важная интерпретация. Если с вышеприведенных позиций обратиться к избранной нами проблеме (см. название статьи), то появляется возможность заполучить весьма любопытные сведения.

В статье 7 Основного Закона нашей страны Россия объявлена социальным государством, обязанным обеспечить *достойную жизнь своих граждан*. Заметим – *всех граждан в равной степени*. В развитие данного положения предписания ст. 19 Конституции Российской Федерации декларируют **равенство** «всех перед законом и судом... независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным убеждениям, а также других обстоятельств».

Содержание ст. 19 Конституции Российской Федерации, как представляется, являясь фундаментом идеи справедливости и равенства всех перед законом и судом, формулирует **безальтернативное и однозначное правило – о невозможности** предоставления «каких бы то ни было преимуществ «кому бы то ни было», в зависимости от сословных, гендерных, конфессиональных, расовых, иных социальных характеристик. Исключительно значимой целью этого основополагающего постулата, с моей точки зрения, является запрет на введение **любых привилегий любым группам населения** и, таким путем, достижение баланса интересов, а значит, что крайне важно именно сегодня, стабильности общества.

Очень правильно подмечено, что большинством членов российского общества осознается и весьма болезненно воспринимается несправедливость его современной организации. В частности, результаты опроса граждан, проведенного О.В. Гладышевой, выявили, что 91% респондентов считают организацию российского общественного устройства несправедливой, в том числе в силу имеющегося неравноправия его членов [9. С. 17].

Безоговорочное выполнение государством правила ст. 19 Конституции Российской Федерации в состоянии резко снизить «накал страстей» в обществе и укрепить убеждение граждан как в самом наличии, так и в утверждении социальной справедливости, проецируемой, в том числе, на сферу правоохранительной деятельности.

Уголовное судопроизводство – важнейший сегмент этого вида государственной деятельности. А вот здесь-то как раз и можно наблюдать интересную картину. Любопытна в этой связи оценка ситуации О.В. Гладышевой, которая пишет: «Если рассматривать идею равенства с исторических позиций, то можно отметить относительное постоянство ее включения в тексты уголовно-процессуальных законов. УПК РФ 2001 г. **несколько отошел** (выделено нами. – В.А.) от устоявшегося правила, и в его тексте отсутствует положение о равенстве всех перед законом и судом» [9. С. 37].

Действительно, в системе принципов, представленных в гл. 2 УПК РФ, нет упоминания о равенстве всех перед законом и судом. Не отыскать данного правила и в других главах действующего кодекса. Там можно встретить, в разной интерпретации, лишь реплики о «равенстве прав сторон» как центральном компоненте нынешнего принципа состязательности.

В то же время в тексте его «предшественника» – УПК РСФСР 1960 г., в Главе Первой, названной «Основные положения», это предписание фигурировало в ранге принципиального. Ему была посвящена самостоятельная 14-я статья, которая гласила: «Правосудие по уголовным делам осуществляется на началах равенства граждан перед законом и судом независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств». Здесь приведена ст. 14 УПК РСФСР в ее редакции 1983 г., несколько видоизменившей перечень обстоятельств, не могущих влиять на реальный статус участника уголовного процесса [10]. Любопытно, что до изменений в 1983 г. редакции названной статьи признак «род и характер занятий» был поименован как «служебное положение».

Примечательно, что в ст. 19 Конституции Российской Федерации обсуждаемая характеристика уже обозначена как «должностное положение», что нам представляется более точным. Но самое интересное состоит в том, что обсужденный Государственной Думой РФ и принятый в июне 1997 г. в первом чтении проект УПК РФ в Главе 2-й – «Задачи и принципы уголовного процесса», также содержал под номером 16 статью: «Осуществление правосудия на началах равенства граждан перед законом и судом». Понятно, что в этой статье речь шла о правосудии по уголовным делам. Причем в принятом в первом чтении проекте УПК РФ обсуждаемый **принцип уголовного процесса** фигурировал в редакции, практически представленной в ст. 19 Конституции Российской Федерации 1993 г. Хотя наряду с «должностным положением», названным и в Основном Законе, и в проекте УПК РФ, в последнем (в отличие от ст. 19 Конституции РФ) упоминалось также и «**социальное положение**», что нам представляется еще одним дополнительным аргументом в подтверждение важности равенства всех, независимо от социальных характеристик, в уголовном судопроизводстве. Поэтому вполне закономерен вопрос: **почему** эта статья, имеющая принципиальное

значение, «подкрепленная» аналогичными предписаниями Основного Закона страны, «не попала» в текст УПК РФ, «спешно» принятого Парламентом России во втором и в третьем (окончательном) чтении в ноябре – декабре 2001 г.?

Можно предположить, что законодатель (сначала – Государственная Дума, а потом – Совет Федерации Федерального Собрания страны) «постеснялся» включить это положение в систему принципов уголовного процесса, поскольку в кодексе, принятом в окончательном варианте, неожиданно для многих специалистов и экспертов, «появился» самостоятельный 17-й раздел, состоящий из одной главы под номером 52, поименованной по названию этого же раздела: «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц».

Наверное, читателю интересно знать, кто инициировал, подготовил и «продавил» появление обсуждаемого раздела и одноименной с ним главы 52-й сначала в представленном ко второму чтению проекте, а затем уже и в тексте действующего УПК РФ. Разобраться в этом вопросе, как и проследить этапы подготовки и прохождения данных дополнений в УПК РФ, помогут два фундаментальных издания, посвященные истории создания действующего кодекса и обсуждению пятилетних результатов его применения [11, 12].

Из содержания этих объемных фолиантов становится ясно, что принятый в 1997 г. в первом чтении УПК РФ, который в большой мере отвечал традиционной инфраструктуре, идеологии и принципу преемственности, не устраивал определенные политические силы, своими устремлениями «развернутые» на Запад. Для этого в новом составе Государственной Думы РФ 26 октября 2000 г. была создана Временная рабочая группа по подготовке проекта УПК РФ ко второму чтению во главе с Е.Б. Мизулиной [11. С. 324–325]. Вслед за этим, 28 ноября 2000 г., распоряжением Президента РФ В.В. Путина образована рабочая группа по вопросам совершенствования законодательства Российской Федерации о судебной системе при Президенте РФ, возглавляемая заместителем Руководителя Администрации Президента РФ Д.Н. Козаком. Координацию деятельности рабочей группы с остальными властными структурами по поручению Президента РФ В.В. Путина осуществлял первый заместитель Руководителя Администрации Президента РФ Д.А. Медведев [11. С. 740–742].

Из 35 членов этой рабочей группы, получившей условное название «Рабочая группа Д.Н. Козака», пятеро являлись «рядовыми» высококвалифицированными юристами в ранге, как правило, докторами юридических наук, профессорами, остальные были «обременены» высокими государственными должностями, представляя известный «срез» корпуса российских чиновников [11. С. 741–742]. С ноября 2000 г. по март 2021 г. рабочая группа Д.Н. Козака подготовила предложения по «совершенствованию» принятого в первом чтении УПК РФ, а по сути дела, радикально «перекроив»

его концепцию на «англосаксонский лад», особенно – в части «новой» идеологии, обильно насытившей текст проекта [11. С. 743–772].

О сути этих «новшеств» повествует «сводная таблица предложений по совершенствованию уголовного судопроизводства», в которую окончательные изменения (безусловно, учтенные разработчиками, как это видно из окончательного проекта) внесены Администрацией Президента РФ [11. С. 743–748]. Как раз-таки в этой таблице впервые появляется «прообраз» гл. 52 действующего УПК РФ об «Особенностях производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц». А вскоре конкретные законотворческие очертания приобретает и сама глава [11. С. 769–772].

Весьма показательно здесь то, что в контексте общих предложений рабочей группы Д.Н. Козака об установлении дополнительных преимуществ в уголовном судопроизводстве «прокурорам, следователям, дознавателям и лицам, обладающим конституционным или дипломатическим иммунитетом», Администрация Президента РФ внесла в «список льготников» **членов Правительства Российской Федерации**, как известно, не обладающих по закону ни конституционным, ни дипломатическим иммунитетом. Правда, в окончательный вариант поправок к проекту УПК РФ, принятому в первом чтении, внесенных Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 4 июня 2001 г., «члены Правительства Российской Федерации» как субъекты права на преимущества в уголовном процессе, не попали [11. С. 769]. Если бы это всё же произошло, то усилия следователей и прокуроров по доказыванию причастности к уголовным преступлениям «членов правительства Российской Федерации» Улюкаева, Сердюкова и других, были бы, скорее всего, безрезультатными.

Из предыдущего изложения очевидно, что появление в УПК РФ обсуждаемой главы, предоставившей небывалые «преференции» при производстве по уголовным делам широкому кругу представителей государственной власти, фактически инициировано Администрацией Президента Российской Федерации. Сегодня уже понятно, что в большой мере оправдались опасения здравомыслящей части юридического сообщества России, заявлявшей на этапе введения в действие принятого УПК РФ о сомнительности и негативных последствиях таких «нововведений». Так, в Аналитической записке по результатам научно-практической конференции «Новый УПК России и проблемы правоприменительной практики», состоявшейся в г. Ярославле 26 февраля 2002 г. было констатировано: «Предельно опасной является тенденция превращения процесса взаимодействия участников уголовного судопроизводства в корпоративно-рыночной, из содержания которого полностью выхолащиваются общегосударственные и публично-правовые цели и принципы. Уголовное дело и реализация процессуальных полномочий участниками судопроизводства в своей совокупности становятся денежным товарооборотом, безусловно выгодным отдельным участникам этого процесса, с одной стороны, и аб-

солютно невыгодным потерпевшим, **полностью несоответствующим цели неукоснительного соблюдения закона, равенства граждан перед судом, а также другим принципам и идеалам правосудия**» (выделено нами. – В.А.). [11. С. 315].

После этой справки об историографии гл. 52 УПК РФ, логично более пристально взглянуть в ее содержание и увидеть, что же это за «особенности» и что это за «отдельные категории лиц»? Ознакомление с содержанием ст. 447 УПК РФ позволяет заключить, что в абсолютном большинстве – это государственные и муниципальные служащие, т.е. субъекты, которых принято называть чиновниками. Возвращаясь к вопросу о причинах отсутствия предлагавшегося в принятом в первом чтении проекте УПК РФ 2001 г. положения о равенстве всех перед законом и судом, отметим следующее.

Одновременное присутствие изъятого из первого проекта кодекса принципа и обширной системы исключений из общих правил производства по уголовным делам в отношении представителей законодательной, исполнительной и судебной власти создавало бы труднообъяснимую коллизию. Тогда друг другу противоречили бы общее (принципиальное) положение и нормы процедурного характера, при том, что приоритет, исходя из канонов общей теории права, должно иметь первое.

Здесь ассоциативный ряд возвращает нас вместе с читателем к вышеприведенному высказыванию В.Д. Зорькина о сформировавшейся в России «клановой и корпоративно-олигархической ментальности» и «превращении бюрократии в своего рода квазикласс». По оценкам Министерства финансов РФ, общее количество чиновников в стране составляет около 2,5 млн [13]. Даже исходя только из численности – это весьма мощная социальная группа, к тому же обладающая широкими возможностями формирования общественного сознания, законодательства и правового режима в стране. Полагаем, что во многом именно эти обстоятельства объясняют реальное состояние дел с равенством граждан перед законом и судом, в том числе в уголовном судопроизводстве.

Многие исследователи содержания **понятия «справедливость»** и форм ее реализации в праве считают одним из его центральных компонентов именно **равенство граждан перед законом и судом** [9. С. 14; 14. С. 32; 15. С. 33–35].

Последнее, в свою очередь, означает, что «существуют единые материальные и процессуальные законы, которые не создают каких-либо преимуществ, или, наоборот, ограничений в зависимости от расовой и национальной принадлежности, социального, имущественного и служебного положения или вероисповедания гражданина» [15. С. 37]. Кроме того, именно в этом контексте в государстве не создаются сословные, расовые или исключительные суды, организация и порядок деятельности которых зависели бы от любого из вышеперечисленных признаков [16. С. 81–82].

Согласимся с выводом о том, что категория равенства в уголовном процессе не предполагает одинакового объема прав его участников. Однако «равенство должно проявляться в полной мере применительно к участникам уголовного процесса, занимающим одинаковый процессуальный статус» [15. С. 110].

Следует при этом оговориться о правомерности предоставления дополнительных гарантий и льгот несовершеннолетним и недееспособным (частично дееспособным) участникам производства по уголовному делу, поскольку уровень (объем) их праводееспособности не позволяет им полноценно реализовать общую правосубъектность [17. С. 6].

Сейчас же уместно еще раз обратиться к содержанию ст. 477 УПК РФ, определяющей конкретные категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Это:

- член Совета Федерации и депутат Государственной Думы, депутат законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации, член выборного органа местного самоуправления, выборное должностное лицо органа местного самоуправления;
- судья Конституционного Суда Российской Федерации, судья федерального суда общей юрисдикции или федерального арбитражного суда, мировой судья и судья конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации, присяжный или арбитражный заседатель в период осуществления им правосудия;
- Председатель Счетной палаты Российской Федерации, его заместитель и аудиторы Счетной палаты Российской Федерации;
- Уполномоченный по правам человека Российской Федерации;
- Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, а также кандидат в Президенты Российской Федерации;
- Генеральный прокурор;
- Председатель Следственного комитета Российской Федерации;
- руководитель следственного органа;
- следователь;
- адвокат;
- член избирательной комиссии, комиссии референдума с правом решающего голоса;
- зарегистрированный кандидат в депутаты Государственной Думы, зарегистрированный кандидат в депутаты законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации.

Ретроспективный анализ содержания анализируемой статьи показывает, что она изменялась и дополнялась с момента принятия в 2001 г. УПК РФ 6 раз, причем, что характерно, по большей части – в направлении увеличения перечня субъектов, обладающих существенными льготами в уголовном судопроизводстве. Что же это за преимущества?

В отношении этой категории лиц установлены более сложные процедуры возбуждения уголовного дела, привлечения в качестве обвиняемого (ст. 448 УПК РФ), избрания меры пресечения и производства следственных и процессуальных действий (ст. 450 УПК РФ). Чаще всего сам факт и потребность наличия перечисленных преимуществ (воспринимаемых обычными гражданами как привилегии) объясняются необходимостью создания дополнительных гарантий эффективности выполнения представителями разных ветвей власти «важнейших государственных и общественных функций» [18. С. 924], что звучит, на наш взгляд, недостаточно убедительно. Стоит согласиться с К.Ф. Гуценко, который еще на этапе существования УПК РСФСР считал, что перечень лиц, обладающих привилегиями в уголовном процессе, «сравнительно широк и имеет тенденцию, вопреки ст. 19 Конституции Российской Федерации, провозглашающей равенство всех перед законом и судом, к дальнейшему расширению» (что нами уже отмечено на примере УПК РФ. – В.А.) [19. С. 45].

Авторы коллективной монографии, изданной в 2013 г., анализируя содержание гл. 52 УПК РФ, также с сожалением констатируют следующее: «...уголовно-процессуальный закон предоставляет в настоящее время **именно привилегии** (подчеркнуто нами. – В.А.) отдельным категориям лиц, что является существенным нарушением принципа равенства, закрепленного в Конституции Российской Федерации» [15. С. 116].

С позиции социальной справедливости вызывает серьезные сомнения необходимость столь широкого спектра «служебных иммунитетов»¹ [18. С. 924] у обширного числа представителей государственной власти, поскольку это напрямую сказывается на авторитете последней, а также на уровне доверия к ней населения страны.

Что же можно предложить для восстановления и укрепления авторитета судебной (да и не только) власти у населения? Представляется, что в этой связи требует изменения процедура уголовного производства прежде всего в отношении представителей высших органов государственной власти страны. Сегодня эта процедура необоснованно, вопреки принципу равенства всех перед законом и судом, искусственно расширяет пределы неприкосновенности представителей высших органов государственной власти [15. С. 123–124]. При этом скажем, что вопрос о лишении неприкосновенности депутата Государственной Думы, члена Совета Федерации (в связи с их вероятной причастностью к преступлениям) решается единолично **этими же самыми государственными органами без участия в формировании окончательного решения** представителей других ветвей государственной власти. Генеральный прокурор РФ, согласно ч. 1 ст. 448 УПК РФ,

¹ Такой, на мой взгляд, сомнительный термин употребляют А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский.

внося соответствующее представление, лишь ставит этот вопрос перед палатами Федерального собрания РФ.

Очевидно, что в такой ситуации открываются широкие возможности для проявления «корпоративной (партийной, иной) солидарности» со стороны определенных групп депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации. Это особенно вероятно в условиях доминирования одной или соперничества двух (нескольких) политических партий в стенах парламента России.

В литературе высказано предложение, в соответствии с которым возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемых таких субъектов должны быть урегулированы общими нормами, а в УПК РФ надлежит закрепить **порядок уведомления** соответствующих органов о принятом решении. Что же касается избрания мер пресечения и производства следственных и процессуальных действий, то авторы предлагают производить их в порядке, закрепленном в настоящее время в уголовно-процессуальном законе [15. С. 127].

Поддерживая, в основном, данное предложение, выскажем сомнения в эффективности конкретной схемы, которую анонсируют авторы. В частности, по их мысли, «в случаях вынесения судом в судебном разбирательстве обвинительного приговора суд должен запросить решение о лишении судей, членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, Президента Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека в РФ и других лиц неприкосновенности. После получения такого решения суд обращает приговор к исполнению» [15. С. 127].

С нашей точки зрения, вряд ли целесообразен такой вариант движения уголовного дела с участием **в качестве подсудимых** представителей государственной власти (особенно – из ее «высших эшелонов»). В таком случае прогнозируются существенно более высокие и болезненные репутационные потери в целом для всех ветвей государственной власти, особенно сейчас, в условиях «вакханалии» свободы слова и наличия в России средств массовой информации, проводящих откровенно антигосударственную информационную политику. С гораздо меньшими потерями для имиджа государственных органов возможно достижение реализации конституционного принципа равенства всех перед законом и судом – базового для утверждения справедливости в российском обществе.

Для этого оптимальной представляется следующая схема:

1. Восстановление в УПК РФ принципа равенства всех перед законом и судом. Желательно в редакции ст. 19 Конституции Российской Федерации.

2. Воссоздание в УПК РФ предписаний **об участии судебных органов** в решениях Государственной Думы и Федерального Собрания о возможности возбуждения уголовного дела в отношении депутата (члена Совета Федерации) и о привлечении его в качестве обвиняемого, если уголовное

дело было возбуждено в отношении других лиц или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Для этого соответствующее представление Генерального прокурора РФ должно подаваться в Верховный Суд РФ и рассматриваться коллегией из трех судей. Заключение судейской коллегии об обоснованности представления Генерального прокурора РФ в течение 10 дней надлежит передать в палату Федерального Собрания РФ, которая в течение 10 дней принимает решение **о приостановлении** (а не о лишении!) неприкосновенности члена соответствующей палаты либо отказывает в этом.

В случае удовлетворения представления Генерального прокурора РФ (прошедшего горнило судебного контроля в Верховном Суде РФ), палата Федерального Собрания РФ принимает заключение, после чего **производство по уголовному делу продолжается в обычном порядке**.

3. По окончании расследования, в зависимости от его результатов, следователь принимает решение в соответствии с гл. 28–30 УПК РФ.

4. Если по уголовному делу составлено обвинительное заключение, Генеральный прокурор РФ, перед его утверждением, уведомляет об этом соответствующую палату Федерального Собрания РФ, которая в 10-дневный срок принимает **окончательное решение о лишении конкретного субъекта его неприкосновенности**, и уголовное дело с утвержденным обвинительным заключением направляется в суд для рассмотрения по существу.

5. Вышеприведенную схему целесообразно спроецировать на нижестоящие структуры государственной власти, уровня субъекта Российской Федерации и выборных должностных лиц органов местного самоуправления.

6. Согласиться с предложением, в соответствии с которым из гл. 52 УПК РФ надлежит исключить прокурора, руководителя следственного органа (включая председателя Следственного Комитета Российской Федерации), следователя, адвоката как лиц, не обладающих неприкосновенностью по российскому законодательству [15. С. 133].

Предлагаемая схема участия в качестве подозреваемых, обвиняемых, подсудимых представителей государственной власти в уголовном судопроизводстве восстановит равновесие (баланс) в системе взаимодействия законодательной, исполнительной и судебной властей в Российской Федерации. Кроме того, появятся реальные основания для воссоздания в УПК РФ принципа равенства всех перед законом и судом и, что самое главное, будет сделан серьезный шаг в направлении утверждения социальной справедливости и укреплении авторитета органов государственной власти в стране.

Список источников

1. Зорькин В.Д. Приговор по преискуранту // Российская газета. 2004. 19 мая.
2. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М. : Норма, 2013. 495 с.

3. Азаров В.А. Деструктивные факторы стратегии развития уголовно-процессуального Законодательства России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 33. С. 49–59.
4. Барабаш Ал.А. Сущность отечественного уголовного процесса в свете российского национального менталитета : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2012. 213 с.
5. Соловьев В. Смысл любви. М., 1991. 526 с.
6. Бердяев Н.А. Судьба России. М., 1990. 240 с.
7. Резник Г.М. Задача УПК обеспечивать юридическую справедливость в обществе // Уроки реформы уголовного правосудия в России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и материалов / отв. ред. А.Е. Лебедев, Е.Б. Мизулина ; [науч. ред. Е.Б. Мизулина]. М. : Норма, 2007. 800 с.
8. Кудрявцева А.В. Мотивированность судебного решения как составляющая справедливости судебного разбирательства // Уголовная юстиция. 2018. № 11. С. 61–64.
9. Гладышева О.В. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации. Краснодар, 2008. 304 с.
10. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.83 // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153.
11. Уроки реформы уголовного правосудия России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и материалов / под ред. Е.Б. Мизулиной и В.Н. Плигина ; науч. ред. Е.Б. Мизулина. М. : Юрист, 2006. 847 с.
12. Уроки реформы уголовного правосудия России (по материалам работы Межведомственной рабочей группы по мониторингу УПК РФ и в связи с пятилетием со дня его принятия и введения в действие) : сб. ст. и материалов / отв. ред. А.Е. Лебедев, Е.Б. Мизулина ; [науч. ред. Е.Б. Мизулина]. М. : Норма, 2007. 800 с.
13. Интервью РИА Новости заместителя министра Финансов РФ Татьяны Нестеренко: «Без сокращения госслужащих не будет и повышения зарплат» 23.09.2019 г. URL: <https://ria.ru/20190923/1558915623.html>
14. Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе / под науч. ред. З.Д. Еникеева. М. : Юрлитинформ, 2007. 256 с.
15. Равенство в уголовном процессе России / А.М. Баранов, С.А. Кузора, Ю.Г. Овчинников, И.А. Черданцева. М. : Юрлитинформ, 2013. 168 с.
16. Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса (вопросы теории и практики). М. : Юрид. лит., 1971. 200 с.
17. Красильников А.В. Уголовно-процессуальные привелегии отдельных категорий лиц : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 242 с.
18. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. 5-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2009. 992 с.
19. Уголовный процесс : учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 1997. 509 с.

References

1. Zorkin, V.D. (2004) Prigovor po preyskurantu [Sentence by the price list]. *Rossiyskaya gazeta*. 19th May.
2. Zorkin, V.D. (2013) *Pravo v usloviyakh global'nykh peremen* [Law in the Context of Global Change]. Moscow: Norma.
3. Azarov, V.A. (2019) Destructive factors of the strategy for the development of criminal procedure legislation in Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 33. pp. 49–59. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/33/5
4. Barabash, Al.A. (2012) *Sushchnost' otechestvennogo ugovnogo protsessa v svete rossiyskogo natsional'nogo mentaliteta* [The criminal process in the Russian national mentality]. Law Cand. Diss. Ekaterinburg.

5. Soloviev, V. (1991) *Smysl lyubvi* [The Meaning of Love]. Moscow: Lybid'.
6. Berdyaev, N.A. (1990) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Sovetskii pisatel'.
7. Reznik, G.M. (2007) *Zadacha UPK obespechivat' yuridicheskuyu spravedlivost' v obshchestve* [The goal of the Code of Criminal Procedure to ensure legal justice in society]. In: Lebedev, A.E. & Mizulina, E.B. (eds) *Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya v Rossii (po materialam raboty Mezhhvedomstvennoy rabochey gruppy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v deystvie)* [Lessons from the reform of criminal justice in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group on Monitoring the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary from the date of its adoption and enactment)]. Moscow: Norma.
8. Kudryavtseva, A.V. (2018) Justification of a court decision as a component of a fair trial. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 11. pp. 61–64. (In Russian). DOI: 10.17223/23088451/11/12
9. Gladysheva, O.V. (2008) *Spravedlivost' i zakonnost' v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii* [Justice and legality in the criminal proceedings of the Russian Federation]. Krasnodar: [s.n.].
10. The Supreme Soviet of the RSFSR. (1983) Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta RSFSR ot 08.08.83 [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of August 8, 1983]. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta RSFSR*. 32. Art. 1153.
11. Mizulina, E.B. & Pligin, V.N. (eds) (2006) *Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya Rossii (po materialam raboty Mezhhvedomstvennoy rabochey gruppy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v deystvie)* [Lessons of the criminal justice reform in Russia (based on the work of the Interdepartmental working group on monitoring the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary from the date of its adoption and enactment)]. Moscow: Yurist".
12. Lebedev, A.E. & Mizulina, E.B. (eds) (2007) *Uroki reformy ugolovnogo pravosudiya v Rossii (po materialam raboty Mezhhvedomstvennoy rabochey gruppy po monitoringu UPK RF i v svyazi s pyatiletiem so dnya ego prinyatiya i vvedeniya v deystvie)* [Lessons from the reform of criminal justice in Russia (based on the work of the Interdepartmental Working Group on Monitoring the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and in connection with the fifth anniversary from the date of its adoption and enactment)]. Moscow: Norma.
13. Nesterenko, T. (2019) *Interv'yu RIA Novosti zamestitelya ministra Finansov RF Tat'yany Nesterenko: "Bez sokrashcheniya gossluzhashchikh ne budet i povysheniya zarplat"* [RIA Novosti interviews Deputy Minister of Finance of the Russian Federation Tatyana Nesterenko: "Without layoffs of civil servants, there will be no increase in salaries"]. September 23, 2019. [Online] Available from: <https://ria.ru/20190923/1558915623.html>
14. Ashirova, L.M. (2007) *Problemy realizatsii printsipa spravedlivosti v ugolovnom protsesse* [Problems of the implementation of the principle of justice in the criminal process]. Moscow: Yurlitinform.
15. Baranov, A.M., Kuzora, S.A. & Ovchinnikov, Yu.G. (2013) *Ravenstvo v ugolovnom protsesse Rossii* [Equality in the Russian Criminal Process]. Moscow: Yurlitinform.
16. Dobrovolskaya, T.N. (1971) *Printsipy sovetskogo ugolovnogo protsessa (voprosy teorii i praktiki)* [Principles of the Soviet Criminal Process (Questions of Theory and Practice)]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
17. Krasilnikov, A.V. (2006) *Ugolovno-protsessual'nye privilegii otdel'nykh kategoriy lits* [Criminal procedure privileges of certain categories of persons]. Abstract of Law Cand. Diss. Moscow.
18. Smirnov, A.V. (ed.) (2009) *Kommentariy k Ugolovno-protsessual'nomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation]. 5th ed. Moscow: Prrospekt.
19. Gutsenko, K.F. (ed.) (1997) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Moscow: Zertsalo.

Информация об авторе:

Азаров В.А. – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия); заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия). E-mail: kafprokrim@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.A. Azarov, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation), Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: kafprokrim@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.11.2021;
одобрена после рецензирования 19.01.2022; принята к публикации 02.03.2022.*

*The article was submitted 12.11.2021;
approved after reviewing 19.01.2022; accepted for publication 02.03.2022.*